

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ

А.Н. Сарапулов,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический
университет

Статья посвящена смене хозяйственно-культурных типов на территории Пермского Предуралья. Переход к пашенному земледелию происходит в XI–XII вв. и связан с появлением железных наконечников пахотных орудий, распространением жерновых поставов, ям-кладовок для хранения зерна. Все эти изменения были связаны со сменой археологических культур.

Ключевые слова: хозяйственно-культурный тип, пашенное земледелие, пахотное орудие, серпы, косы-горбуши, ральники, жернова, яма-кладовка, археологическая культура.

Смена хозяйственно-культурного типа (ХКТ) ручного (мотыжного) земледелия и животноводства на ХКТ пашенного земледелия с использованием тягловой силы домашних животных на территории Пермского Предуралья происходила в начале II тыс. н.э.

Необходимо отметить, что разрешение вопроса о появлении пашенного земледелия на той или иной территории наталкивается на очень большие трудности, поскольку известно крайне мало находок древних упряжных пахотных орудий, их изображений или следов древних пашен. Общепринятой датировкой появления пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы является середина – вторая половина I тыс. н.э., что обосновывается первыми находками железных наконечников пахотных орудий. Ю.А. Краснов считает, что установление ранней даты пашенного земледелия по дате находок первых железных наконечников пахотных орудий далеко не всегда правомерно, ибо

древнейшие рала (плуги) могли изготавливаться целиком из дерева, не имея металлических частей [5, с. 72]. Именно поэтому, по мысли исследователя, необходимо выделять по этнографическим и археологическим данным такие культурные явления, которые, с одной стороны, бесспорно, сопутствуют пашенному земледелию и не встречаются у племен, не знающих такового, а с другой стороны – в значительном количестве представлены в археологическом материале. То есть должны быть выделены некоторые черты хозяйственно-культурного типа древних племен, знакомых с пашенным земледелием. К таким культурным явлениям Ю.А. Краснов относит эволюцию орудий уборки урожая и употребление колесных повозок [5, с. 73]. Следовательно, наличие в археологических материалах таких орудий для уборки урожая, как серпы и косы, и колесных повозок у племен, которым не были известны железные наконечники пахотных орудий, может свидетельствовать о том, что

они занимались пашенным земледелием с применением цельнодеревянных пахотных орудий, которые попросту не сохранились в силу почвенных особенностей культурного слоя тех территорий, на которых они проживали.

Так, и Р.Д. Голдина с В.А. Кананиным выдвинули предположение, что в верховьях Камы в эпоху средневековья для обработки почвы под пахоту поначалу использовалось орудие типа рала, полностью изготовленное из дерева [4, с. 94]. Подобную же ситуацию предполагает И.Ю. Пастушенко для неволинской культуры в бассейне р. Сылвы [16, с. 267–277].

На наш взгляд, данная точка зрения не вполне доказательна, что подтверждается рядом археологических и этнографических данных. Наличие серпов и кос свидетельствует, в первую очередь, о высокой урожайности полей, которая могла быть достигнута не только при пашенном земледелии, но и при ручной обработке земли на плодородных черноземных почвах или при пойменном земледелии. В этнографии известны случаи, когда некоторые народы, знакомые с пашенным земледелием, не использовали серпы и косы (отдельные группы алтайцев, тувинцы, многие племена Аравии, Сирии, Йемена, Иордании и даже русские крестьяне).

Выделение второго признака, свидетельствующего о присутствии пашенного земледелия – колесной повозки, тоже, по нашему мнению, не вполне оправданно. Вообще, колесные повозки в силу ряда социальных, географических и других причин не использовались многими народами, занимающимися пашенным земледелием. А тот факт, что у тех этнических групп, для которых было характерно использование колесных повозок, мы находим следы занятия пашенным земледелием, является ничем иным, как показателем их общего высокого уровня развития, опять же в силу ряда сложившихся оптимальных для этого условий.

Таким образом, если в данных почвенных условиях, как, например, на территории Пермского Предуралья, в культурном

слое не сохраняются остатки деревянных пахотных орудий и следы древней распашки, то предполагать некоторую, ничем не доказуемую, возможность существования пашенного земледелия неправомерно. То есть следует согласиться с большинством исследователей, что основным признаком существования пашенного земледелия на изучаемой территории является наличие в археологических материалах металлических наконечников пахотных орудий.

В основном наконечники пахотных орудий и их фрагменты были найдены вне археологических комплексов, а являются случайными находками, что затрудняет их датировку. Но те, которые были обнаружены в культурном слое на поселениях и могильниках, можно продатировать.

Один ральник был найден на Лаврятском городище. Его можно датировать XI веком – этот ральник можно считать самым ранним из известных в Пермском Предуралье [1, с. 83]. Семь целых ральников и один обломок были найдены в верхних слоях городища Анюшкар. По мнению авторов раскопок, верхние слои городища датируются XII – началом XV вв. [15, с. 11]. Пять наконечников пахотных орудий обнаружены в верхних слоях Рождественского городища, датируемых, согласно радиоуглеродным датам, преимущественно XII–XIII вв., хотя на памятнике известны и отдельные находки начала XIV века [2, с. 252–253, рис. 135/6-11]. Один целый наконечник найден на Чашкинском II селище, сломанный наконечник и фрагмент наконечника – в периферийной части Чашкинского II селища (на поселении каменного века Чашкинское озеро VI в культурном слое эпохи средневековья). Эти ральники относятся к XI–XIII вв. [7, с. 239–242, 383–384, рис. 241/11-12]. Один наконечник найден на Рачевском городище, которое, по мнению авторов его раскопок В.П. Мокрушина и Н.Б. Крыласовой, датируется XII–XIV вв. [13, с. 48–51; 6, с. 103]. Два наконечника найдены на Купросском городище: один – в раскопе А.М. Белавина в

1996 г., другой – в раскопе 2010 г. А.Н. Сарапулова. Эти ральники, судя по материалам городища, могут относиться к XII веку.

Имеется серия ральников, выявленных в закрытых комплексах. Пять из них входили в комплексы инвентаря погребений Антыбарского могильника (№ 4, 14, 58, 68, 75). В этих погребениях, помимо ральников, обнаружены железные ножи и наконечники стрел, фрагменты глиняной посуды, украшения (подвеска-колокольчик с цилиндрическим туловом, сужающимся кверху и переходящим в цилиндрическую шейку, тулово и шейка сплошь покрыты «поясками» гладкими и с насечками; накладки на ремень в виде соединений из небольших полушарий). Эти погребения можно датировать XII–XIII вв. [9–12]. Один ральник обнаружен в погребении № 43 могильника Телячий Брод, в составе инвентаря которого из датируемых вещей представлен треугольный срезень с упором – подобные были распространены в IX–XIV вв. В целом же погребение принадлежит к поздней части могильника XII–XIV вв.

Таким образом, железные наконечники пахотных орудий получают распространение на территории Пермского Предуралья не ранее конца XI – начала XII вв. Этот же тезис подтвердил статистический анализ земледельческого инвентаря, проведенный совместно с Д.В. Шмуратко по материалам 648 погребений средневековых могильников Пермского Предуралья. Анализ проводился отдельно по следующим хронологическим группам: V–VI вв., VII–IX вв., X–XI вв., XII–XIV вв. В выборке V–VI вв. земледельческих орудий обнаружено не было. Выборки VII–IX вв. и X–XI вв. показали наличие мотыг. На выборке XII–XIV вв. мотыги исчезают, но появляются ральники, свидетельствующие о пашенном земледелии [20, с. 151–154].

С переходом к новому хозяйственно-культурному типу земледелие становится основным занятием средневекового населения, от которого напрямую теперь зависит система жизнеобеспечения. Вслед-

ствие этого земледелию начинают уделять большое внимание, в том числе и в духовной культуре, в культовых практиках. Использование ральников в погребальном обряде (находки в могильниках Антыбары и Телячий Брод) свидетельствует об их высоком статусе для умершего. На поселениях находят специальные сооружения, связанные с земледельческим культом (Анюшкар, Городищенское, Саламатовское городища, селище Володин Камень II) [18, с. 91].

Судя по всему, именно с XII в. в качестве жатвенных орудий появляются косы-горбуши, не получившие, как и серпы, широкого распространения на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья [17, с. 133–134].

В этот же период времени – в XI–XII вв., средневековое население рассматриваемой территории начинает использовать жернова в качестве орудий для переработки зерна, что связано с повышением уровня урожайности при переходе к пашенной форме обработке земли.

Этим же обусловлено и изменение особенностей хранения выращиваемого зерна. В ломоватовское время зерно хранили в керамических сосудах, выставленных в ямах или на полу жилищ возле очагов [14, с. 109–110]. Но с XI–XII в. получили распространение специально оборудованные ямы-кладовки (с деревянными стенками, с полом, забутованным глиной или покрытым досками, с крышкой), в которых хранили большие объемы зерна в сусеках по отдельным видам. Такие ямы были изучены на селищах Запоселье, Телячий Брод, Калининское. Кроме того, с конца XI в. на поселениях появляются новые виды отопительных устройств – с ямами-подпечьями под ними. Стенки и дно этих ям покрывались деревом. Над самой ямой тоже сооружался дощатый настил («подина»), служивший глинобитной подушкой очага – «пода» печи [8, с. 125–137]. В подочажной яме хранились сосуды с хорошо очищенным зерном, подготовленным для приготовления пищи [21, с. 154–157]. То есть в ямах-кладовках, расположенных

вне жилищ, хранилось по разным сусекам непереработанное зерно, а в подочажных ямах, расположенных в жилищах, могли находиться керамические сосуды с очищенным зерном, готовым к употреблению. Эти конструкции стали известны с переходом к новому хозяйственно-культурному типу.

Таким образом, распространение пашенного земледелия на территории Пермского Предуралья происходит в конце XI – начале XII вв. в русле общих изменений материальной и духовной культуры, связанных со сменой ломоватовской культуры на родановскую [3, с. 28–41; 19, с. 349–352].

Библиографический список

1. *Белавин А.М.* Лаврятское городище (по раскопкам 1992 г.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VII: сб. науч. тр. / под общ. ред. *А.М. Белавина*. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2011. – С. 69–86.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.
3. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вест. Перм. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 1(32). – С. 28–41.
4. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Уральский университет, 1989. – 215 с.
5. *Краснов Ю.А.* Избранные труды. – М.: ИА РАН, 2011. – 392 с.
6. *Крыласова Н.Б.* Отчет о раскопках Рачевского городища в Карагайском районе Пермского края в 2013 г. / На правах рукописи. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 148 с., 278 ил.
7. *Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В.* Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. – Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.
8. *Крыласова Н.Б.* Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X / под общ. ред. *Н.Б. Крыласовой*. – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. – С. 125–137.
9. *Ленц Г.Т.* Отчет о раскопках Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1983 году. Архив МАЭ ПГГПУ, 1984.
10. *Ленц Г.Т.* Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1986 году. Архив МАЭ ПГГПУ, 1987.
11. *Ленц Г.Т.* Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1987 году. Там же, 1988.
12. *Ленц Г.Т.* Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1988 году. Там же, 1989.
13. *Мокрушин В.П., Кудрявцев Ю.А.* К истории торгового пути в далеком прошлом // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Березники, 1997. – С. 48–51.
14. *Оборин В.А.* К истории земледелия у древних коми-пермяков // Советская этнография. – 1956. – № 2. – С. 66–75.
15. *Оборин В.А., Ленц Г.Т.* Городище Анюшкар (по раскопкам 1951–1955, 1989 – 1991 гг.) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2: сб. науч. ст. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 10–15.
16. *Пастушенко И.Ю.* К вопросу о земледелии населения бассейна р. Сылвы в эпоху средневековья // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. – Ижевск, 2002. – С. 267–277.
17. *Сарапулов А.Н.* Средневековые жатвенные орудия Среднего и Верхнего Прикамья // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всерос. археологической конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С. 133–134.
18. *Сарапулов А.Н.* Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. – 170 с.
19. *Сарапулов А.Н.* Смена хозяйственно-культурного типа как культуuroобразующий фактор (к вопросу о хронологической границе между ломоватовской и родановской археологическими культурами) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всерос. (с международным участием) науч. конф. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016 – С. 349–352.

20. *Сарапулов А.Н., Шмуратко Д.В.* Статистический анализ земельного инвентаря средневековых погребальных памятников Пермского Предуралья // Музей и наследие коми-пермяков в пространстве Пермского края. – Кудымкар, 2006. – С. 151–154.
21. *Трофимова С.С., Лантева Е.Г., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н.* Палеоботанические исследования средневекового Рождественского городища (Пермский край) // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Междунар. науч. конф. – Тюмень, 2016 г. / под ред. *Н.П. Матвеевой*. – Вып. 5: в 2 ч. – Ч. 1. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. – С. 154–157.

**ABOUT THE TIME OF APPEARANCE OF PLOUGH FARMING
IN THE PERM CIS-URALS**

A.N. Sarapulov

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The article is devoted to the change of economic-cultural types on the territory of the Perm Cis-Urals. The transition to plough farming took place in the XI–XII centuries and it was connected with the appearance of iron tips on ploughing tools, the spread of millstone sawing schedules, storage-pits to store grain. All these changes were associated with the change of archaeological cultures.

Keywords: economic-cultural type, plough farming, ploughing tools, sickles, scythes, ploughshares, millstones, storage-pits, archaeological culture.

Сведения об авторе

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и средневековой истории России, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ), 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: ans05@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12.09.2016 г.